

АННА
КУБАНЦЕВА

Кто убил
Мистера
ПОЛЛИНИ

16+

Алёна Винокурова

Анна Кубанцева

Кто убил мистера Поллини

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кубанцева А. С.

Кто убил мистера Поллини / А. С. Кубанцева — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Алёна Винокурова)

ISBN 978-5-532-07057-8

Молодой оперативник Алена Винокурова участвует в операции по ликвидации олигарха Ивана Кожемятова. Сам Кожемятов предпочитает называть себя мистер Поллини. Неожиданно его убивают, но делает это не снайпер, а два наглых молодчика в гангстерских костюмах. Его последняя девушка попадает в историю за историей и просит помощи Алены. А сама Алена не верит в виновность главного подозреваемого. Так кто же убил мистера Поллини?

ISBN 978-5-532-07057-8

© Кубанцева А. С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

– Но я не имею ни малейшего представления, кто убил мистера Поллини! – преувеличенно наивно воскликнула я.

Следователь в порыве неудержимого раздражения ударил ладонью по столешнице и заскрежетал зубами. Думаю, с гораздо большим удовольствием, он бы ударил меня.

– Винокурова! – взмолился мой начальник.

Я вздохнула.

– Товарищ капитан, даже принимая во внимание вашу фамилию, – цедил слова следователь, крайне неприятный сухопарый тип, – Ваше поведение тянет на служебное расследование.

Я вторично вздохнула, но ломать комедию мне надоело. Я посмотрела прямо в глаза следователю, и он несколько поежился от быстрой перемены в моем взгляде.

– Товарищ майор, в постановке приказа при направлении меня на задание, было сформулировано оградить гражданских лиц от возможности пострадать при проведении операции по ликвидации Кожемятова. Приказ мною выполнен. Задача изобличить убийц Ивана Кожемятова поставлена не была. Обстоятельства произошедшего изложены мною в поданном рапорте. Если Вы, товарищ майор, не имеете больше ко мне вопросов, то я бы хотела вернуться в отдел.

Я перевела взгляд на начальника, тот хмуро исподлобья смотрел на меня, но кивнул, соглашаясь.

Следователь Проскуряков вздохнул и капитулировал, пообещав наслать на меня служебное расследование и пробормотав под нос, что из органов сделали проходной двор всякими непонятными девицами.

Я смотрела на него с выражением обычной ласковой дурости, какую я изображаю, слыша подобные инсинуации в свой адрес, сделала ручкой, и мы вышли из кабинета.

Молча покинули здание и направились к стоянке.

– Вас подвезти, товарищ полковник? – спросила я начальника.

Он кивнул, все знали его нелюбовь к вождению автомобиля самостоятельно, а водителя он отпустил в отпуск.

Полковник Шевцов Аркадий Зиновьевич обладал внушительной комплекцией и суровым взглядом, в форме он смотрелся сокрушительно и на многих производил столь неизгладимое впечатление, что некоторые начинали каяться сразу при его появлении.

Я же обладала внешностью Аленушки из сказки. Собственно, как и именем – Алена.

С трудом поместившись на переднее сидение моего мини-купера, полковник снял фуражку, пристроил ее на коленях, по многолетней привычке, вцепился в нее и сурово молчал.

Я не стала развлекать его светской беседой и половину пути мы проделали молча.

– Винокурова, завязывала бы ты следакам хамить, – посоветовал шеф.

– Я не специально, товарищ полковник, оно само.

– Оно само, – передразнил начальник, – да ты знаешь, что твой отец со мной сделает?

И вот за эту манеру совершенно по-бабьи вздыхать и охать, он и получил ласковое прозвище среди подчиненных – Зиночка.

Я кивнула.

– Мы с Вами, товарищ полковник, поедем к нанайцам, движение регулировать, – не отвлекаясь от дороги, сказала я.

Это была любимая угроза моего отца, когда он распекал нерадивых подчиненных:

– А Вы, – кричал в запальчивости отец, – у меня поедете к нанайцам, движение регулировать!

А папа мой служил в звании генерала. Поэтому, когда мне, после проведения сложной операции, досрочно присвоили капитана, в отделе ехидно улыбались и перешептывались, что

папа постарался. А то, что я там скакала, как на углях, как-то не рассматривали. Да и зачем, когда есть такая удобная версия, которой можно было объяснить абсолютно все.

Я давно привыкла, что с моей внешностью и папой генералом никто не воспринимал меня всерьез. Несмотря на красный диплом, полученный вполне самостоятельно, несмотря на то, что я свободно говорю на двух иностранных языках, имею первый взрослый разряд по художественной гимнастике, занимаюсь единоборствами, весьма метко стреляю и обладаю аналитическим складом ума, я все равно была «полицейской куклой Барби» и «ну конечно, у нее же папа генерал».

Впрочем, полковник Шевцов и коллеги, с которыми я непосредственно взаимодействовала, относились ко мне вполне по-человечески, ценили за умение находить выход из сложных ситуаций и разгадывать сложные головоломки.

Я припарковалась и собиралась выходить, но шеф меня остановил:

– Езжай домой, девочка, отдыхай, – вздохнул он, – у тебя была сложная ночь. В понедельник, все в понедельник.

Я не возражала, ночь была правда сложная. Это был не первый труп в моей практике, но перед глазами снова и снова вставало падающее тело Кожемятова перед самым носом у Ирины, которая была в ту ночь его спутницей.

Зайдя домой, я услышала, как что-то шкварчит на плите, значит мама дома.

Несмотря на то, что я была уже вполне себе взрослой девочкой, я продолжала жить с родителями. И дело было не в отсутствии возможности жить отдельно, а в полном отсутствии желания разъезжаться, как с моей стороны, так и со стороны родителей.

Я была поздним, незапланированным ребенком. Хотя в современных условиях совсем даже и не поздним, а вполне своевременным. В общем, пожившись, образцовая пара учительницы и милиционера, родили сына, воспитывали из него настоящего мужчину, и обзаводиться еще потомством уже не планировали. Мама из учительницы превратилась в строгого профессора ведущего ВУЗа города, папа уверенно шел вверх по служебной лестнице и тут сюрприз, в виде шевелений ребенка. Мама была так увлечена карьерой, что происходящие с телом перемены списывала на стресс и возраст. Впрочем, несмотря на мою незапланированность, я была очень любимым ребенком, но в отличие от мнения большинства, отнюдь не таким избалованным, как можно было подумать. Поскольку сын пошел по отцовским стопам, то мне предполагалось заниматься чем-то исключительно женским. Могу быть как мама педагогом, могу быть врачом, могу даже, прости Господи, моделью. И каково было негодование отца, когда я ни с кем не посоветовавшись, поступила в профильный вуз. Он тут же заявил безапелляционным тоном, чтобы я забирала документы.

– Нет, – спокойно объявила я, не прекращая жевать.

Брови отца взметнулись в немом недоумении, что я посмела возражать.

Лешка, мой брат, к тому моменту уже жил своей семьей, благополучно женившись на воспитателе детского сада Марине, проходившей свидетельницей по одному делу, но в этот совсем не прекрасный для моего отца вечер, они ужинали с нами.

– Как прикажите это понимать? – достаточно сухо спросил отец.

– Как изволите, – равнодушно парировала я.

Лешка всегда отца боготворил и даже боялся, и моя непочтительность и непокорность в тот момент приводили его в священный ужас.

– Алена, ты не представляешь себе, что такое жизнь мента, – пришел он на помощь отцу.

– Действительно, у нас же в семье двоих ментов нет, – хлопнула я глазами ему в ответ.

– Вот третий нам абсолютно без надобности! – взорвался все-таки отец.

– А зря, Бог любит троицу, – спокойно пожала плечами я.

Мама испуганно переводила взгляд с одного члена семьи на другой.

Отец молчал и боролся с гневом.

– Значит так, Алена Дмитриевна, – холодным тоном, в конце концов, объявил он свое решение, – я палец о палец не ударю, чтобы Вам чем-то помочь ни в учебе, ни в распределении. А при малейшем дисциплинарном проступке, ты у меня...

– Поеду к нанайцам регулировать движение, – закончила я за него.

Впрочем, отец нарушил свое слово и после первой же сессии поинтересовался как дела у студентки Винокуровой. Каково же было его удивление, когда ему, запинаясь, ответили, что студентка в свое время на вопрос о родственных связях с генералом Винокуровым, ответила, что они просто однофамильцы. Станным образом это успокоило отца и с тех пор он начал интересоваться моими делами непосредственно у меня, и дома наступил долгожданный мир.

– Мамуль, ты дома? – спросила я, заходя на кухню и чмокая ее в щеку, – неожиданно и приятно. А как же университет, не развалится без тебя?

– Думаю, прекрасно справятся. А я тебе блинчиков сделала, иди, умывайся и будем завтракать, – деланно беззаботно пропела мама.

Сложив два и два, я спросила.

– Что, отец звонил? – без обиняков спросила я.

– Звонил, – не стала хитрить мама.

– И как он? Сильно зол?

– В бешенстве, – подтвердила мама, – Шевцова, разумеется, к нанайцам, а эту глупую девчонку в детскую комнату милиции. Или в пресс-службу, пусть, говорит, глазами на камеру хлопает.

Стоит ли говорить, что кличка в широких кругах у моего отца Нанаец.

Я вздохнула.

– Аленушка, ты хоть понимаешь, как мы испугались? Ты глупая, непокорная девчонка! Я скоро соглашусь с папой, что тебе место в пресс-службе, – выговаривала мне мама, прижимая меня к себе.

Я обнимала ее в ответ, стараясь успокоить.

– Мам, все было хорошо, ничего страшного.

– Конечно, ничего, абсолютно, всего-то перестрелка и взрыв!

Но мама быстро взяла себя в руки.

– Ладно, нотации тебе вечером отец прочтет. Иди в ванную, и я тебя жду за столом.

– Есть, – привычно произнесла я и скрылась в ванной.

Конечно, успокаивая мать, я преувеличивала свое спокойствие. Сейчас, оставшись, наконец, в одиночестве, намыливая руки, я с неудовольствием отметила, что они мелко дрожат. Дрожь быстро распространилась на все тело и меня забило в ознобе. Я быстренько забралась под струи горячей воды и бессильно села в ванну, подтянув ноги к подбородку. Что-то не сходилось во всей этой истории. Во-первых, только, когда все закончилось, я узнала, что операция была не только совместная со смежными подразделениями нашего родного ведомства, но и с ФСБ. Во-вторых, количество засланных казачков на вечеринку, едва ли не превышало количество остальных гостей.

Я поняла, что испытываю непонятное чувство жалости к Кожемятову. Его предали. Его предали бесчисленное количество раз и поэтому он теперь лежит на холодной полке морга. А он верил всем этим людям, которые собрались на вечеринку по случаю его дня рождения, зная, что в финале именинник станет трупом. Знали, пожалуй, все, кроме Ирины. Так же, уже утром, я с удивлением узнала, что Ирина была не давней подругой Кожемятова, а тоже приставленной к нему приманкой. Надо будет покопаться в деле, хоча понять: ее-то на чем взяли.

Я облачилась в любимую розовую пижаму и тапки с единорогами и вышла к маме. Она не любила говорить о нашей работе. В детстве меня это удивляло, я не могла понять: почему маму не интересует такая интересная, полная приключений работа отца, а потом, когда сама начала работать, я поняла, что мама просто безумно боится за нас.

Она окинула меня взглядом и покачала головой:

– И эта девушка лезет под пули.

– Мама, я не лезу под пули.

– Конечно, это пули гоняются за тобой.

Мы провели очень милый день, смотря глупые сентиментальные фильмы о любви и, наконец, пришел папа.

Его взгляд, устремленный на меня, не обещал ничего хорошего, но видно за день он успел успокоиться и не кинулся на меня с порога.

Как ни странно, он не затронул эту тему и за ужином. Я совсем уж было решила, что буря миновала, как папа сразил меня наповал, обратившись к маме:

– Вика, нам с коллегой нужно поговорить с глазу на глаз, – и кивком головы показал на меня.

Мама понимающе вышла, а папа встал, налил в два стакана виски, пододвинул один мне и стал, молча, сверлить меня взглядом.

Я была не слишком эмоциональна, в противном случае, моя челюсть бы уже грохнулась о стол от происходящего.

– Ну – с, капитан Винокурова, докладывайте, – предложил отец.

– С чего начать, товарищ генерал?

– Для начала я хотел бы знать, кому принадлежит эта гениальная идея привлечь тебя к проведению операции.

– Мне.

– И почему я в этом не сомневался, – покачал головой отец, – так, расскажи мне с того момента, как началась заварушка.

Чутье у моего отца как у охотничьей собаки, и я поняла, что меня не зря терзали противоречия, раз отец заинтересовался.

– Мордатый парень, который оказался, майором ФСБ, с криком «Ах ты, мент поганый!» засадил в морду своему визави, в другом конце зала поднялся приглашенный Кожемятова и с криком «Атас, мусора» перевернул стол и ринулся к выходу.

– Мужики нюхали? – спокойно перебил отец.

– Не заметила, – покачала я головой, – в общем, после этого, все и началось. Кстати, ОБЭПник начал драку в своем углу зала по заданию или добровольно? Достаточно не вовремя. Кто-то выстрелил первый, я не видела, кто это был, палить начали со всех сторон, я подумала, что самое благоразумное не палить контору в двух шагах от Ивана Кожемятова, а постараться укрыть от случайных пуль тех, кто рядом. Я перевернула стол и затащила туда Ирину, приказав лечь и не шевелиться, в этот момент, по другую сторону рухнул Кожемятов, его лицо было как раз рядом с головой Ирины, она начала визжать, я подняла голову, двое в костюмах гангстеров проходили с нашей стороны, совершенно не прячась, один посмотрел мне прямо в лицо, они не бежали, вообще не особо торопились, Я решила их задержать, потому что поняла, что это не оперативники, так как было оговорено, что Кожемятова снимет снайпер. Я вскочила на ноги, вытащила пистолет, но какой-то совершенно пьяный тип, решил, что девка с пистолетом шикарный спарринг партнер, поэтому я огрела его по скуле своим табельным оружием и потеряла время. Одного из этой парочки я, конечно, зацепила, но по касательной, в плечо. Это никак не поможет нам его найти.

Последнюю фразу я произнесла очень расстроено и не сразу заметила, как папа сардонически улыбается, слушая меня.

– Чего? – нерешительно улыбнулась я в ответ отцу.

– Когда ты была маленькой, ты так расстраивалась, если не удавалось стащить шоколадку из буфета, а сейчас она сидит расстраивается, что, видите ли, потеряла время, чтобы положить бугая с оружием. Ладно, продолжай.

– Потом я заметила, что у человека в нескольких метрах от меня в руках граната, поэтому я собрала женщин, которых успела дернуть за минуту и вывела из здания.

– Через окно, – закончил за меня отец.

– Первый этаж, – пожала я плечами.

Мы замолчали. Отец размышлял, постукивая пальцами по столу.

– Не сходится, – в конце концов, сказал он, совсем как я недавно, – для профессионалов они работали слишком топорно, поэтому заказ отпадает, среди приглашенных их не было, чтобы это было можно было принять за случайную жертву, и ни одно ведомство в них не опознает своих сотрудников.

– Подожди, что значит: не опознает? – дошел до меня смысл папиных слов, – составили фотороботы?

– Детка, – вздохнул отец, – там же повсюду были камеры.

А мне это и в голову не пришло. Все же видно нечего мне делать на своей работе.

Я помолчала.

– А почему ты решил со мной поговорить как с коллегой? – все же задала я вопрос, – ты же всегда считал, что мне нечего делать в органах?

– Я и сейчас так считаю, – кивнул отец, – но посмотрев записи, я не могу отказать тебе в профессионализме.

Глава 2

Когда я в понедельник вошла в наш кабинет, меня встретили аплодисментами.

Я непонимающе посмотрела на ребят.

– По поводу орации? – спросила я, устраиваясь за столом и включая компьютер.

– Покажи ей, – хохотнул Пашка Овсянников.

Дима Решетников подошел ко мне и подождал, пока загрузится старенький компьютер.

Вставил флешку.

На видео со съемкой драки с давешней операции кто-то наложил музыку из «Mortal combat» и я со смесью неприязни и удивления смотрела как деваха, в которой я без труда опознала себя, любимую, выхватывает из-под пышной юбки пистолет, с размаху бьет жирдяя и, прицелившись, стреляет.

– Скажи шедевр! – восхищенно сказал Дима.

– Гадость редкостная. Убери это, пожалуйста.

– Чего, Аленка, не выпалась?

– Ребят, вам не кажется, что кто-то ловко водит нас за нос?

– Ты о Кожемятове?

– Да.

Пашка задумчиво покрутился на стуле и ответил:

– Знаешь, первой моей мыслью было, что начальство как обычно забыло довести свое решение до плембеев. Но посмотрев на месте, как они бегают как пингвины, я понял, что они как бы не ожидали такой развязки.

– Вот и отец говорит, что не сходится, – задумчиво протянула я.

– Ну если сам Нанаец... В смысле, сам товарищ генерал так считает, значит однозначно так и есть.

– Кто же убил мистера Поллини, – ни к кому не обращаясь, спросила я.

– Кого?

– Мистера Поллини. Псевдоним Кожемятова. Он же и вечеринку эту в гангстерском стиле придумал исходя из своего ника. Ладно, займемся делом, – посоветовала я сама себе.

Я разгребала бумаги и благополучно отвлеклась, когда зазвонил телефон, и я с удивлением увидела имя Ирины на экране.

– Да, – несколько хрипло взяла я трубку.

– Алена? Здравствуйте, это Ирина Изотова, мы с вами общались...

– Я узнала Вас, – перебила я ее смущенные объяснения.

– Алена, мы не могли бы встретиться? Я просто не знаю к кому обратиться, Вы же в полиции работаете?

Я поморщилась. Для нее последний месяц я была дизайнером и организатором вечеринок по совместительству. Говорить нам уже вроде бы было не о чем, но ее несчастный голос заставил меня согласиться встретиться с ней. Я назвала адрес одного кафе и условилась о встрече через полчаса.

Войдя в зал, я поискала глазами Ирину и, увидев ее, с неудовольствием отметила, как погано она выглядит.

– Здравствуйте, Ирина, – решила я держаться официального тона, раз маски сорваны.

– Здравствуйте, Алена, – кивнула она нерешительно.

Подошел официант, я сделала заказ, Ирина рассматривала стол. Я решила дать ей возможность начать, но Ирина все не поднимала глаз. В какой-то момент, я вдруг почувствовала себя неудобно.

– Ирина, Вы сказали, что не знаете к кому обратиться, у вас какие-то проблемы?

– Да... Дело в том, что Никиту не выпустили. Они обещали, что как только Ваню... Что как только все закончится, его тут же отпустят, но они его не выпустили, – закончила она практически шепотом.

Я начала кое-что понимать.

– А Никита Ваш...?

– Брат. Никита мой младший брат. У меня ведь больше никого нет, мы сироты, и если я не смогу ему помочь, я не смогу этого вынести, я ужасный человек...

– Так, стоп, – прекратила я начинающийся сеанс самобичевания, – давайте по порядку. С самого начала.

В принципе уже после первой фразы я начала понимать, что к чему, но по мере ее рассказа могла только хмыкать.

А дело была так. Жили-были Ира и Никита Изотовы, круглые сироты. Ирина, как старшая сестра, работала как вол и старалась, чтобы братишка ни в чем не нуждался, занимался учебой. Впрочем, Никита ее не подводил, собирался стать архитектором, учился весьма хорошо, по мелочи подрабатывал, чтобы помочь сестре. И вот он ушел с друзьями в ночном клуб праздновать свое 20-летие, а утром Ирине позвонили и скучным голосом пригласили подъехать для дачи показаний, весьма отстраненно сообщив, что Никита Изотов задержан по 228 статье.

– Какой знакомый поворот, – хмыкнула я, подражая популярной рекламе, – наркотики. Хранение и распространение.

Ирина кивнула.

– Алена, он не мог, он очень, очень хороший мальчик. Нам устроили свидание, он перепуганный ребенок, которому вот-вот испортят всю жизнь!

– Тише, тише, я никого не обвиняю, – успокоила я ее.

– Да, да, простите... Собственно, тогда мне и сказали, что я могу помочь Никите... И рассказали в чем смысл... Мне тогда казалось, что я готова на все, чтобы помочь брату, а сейчас... А сейчас оказалось, что и Никите не помогла, и Ваню предала...

Она тихо заплакала.

– Ира, а Вы знаете, что то, что шьют Никите, Ваш Ваня делал весьма сознательно и в масштабах всего федерального округа?

– Да, но... Он не допускал, чтобы это попадало к школьникам или еще каким-то таким, незащищенным людям...

Я только закатила глаза. Ох уж эта двойная женская мораль. С одной стороны, мне было немного неприятно от методов нашей системы, с другой стороны, мне хотелось встряхнуть женщину, которая сидела напротив меня и несла влюбленный бред.

– Ирина, о чем Вы хотели меня попросить? – хотя прекрасно знала о чем, но все же спросила.

– Алена, Вы же наверняка знаете к кому можно обратиться, пожалуйста, помогите вытащить Никиту, я... Я все сделаю...

Она снова заплакала, закрыв лицо руками.

Я покачала головой.

– Ирина, возьмите себя в руки. У Вас шок, Вам нужно оправиться от него. С Никитой я Вам, конечно, помогу, но о предательстве Вами Кожемятова, я даже слышать не хочу. У Вас была цель, Вы к ней шли.

Я уже хотела подняться, но ее вопрос застиг меня врасплох.

– А разве Вы этого не чувствуете, Алена? Разве у Вас не возникло чувство, что Вы его тоже предали?

Что я могла ответить? У меня не было ощущения предательства по отношению к Кожемятову, он был мне абсолютно чужим человеком, но, положив руку на сердце, считала, что так оно и есть – его все предали.

Вместо ответа на этот вопрос, я сказала:

– Никита сегодня будет ночевать дома. Мне пора. Всего доброго, Ирина.

И поспешила уйти.

Из кафе я отправилась прямо к наркоторговцам, как мы между собой называли управление по борьбе с оборотом наркотиков.

– О, сама Лара Крофт от полиции! – поприветствовал меня Вадик Самойлов, когда я вошла в кабинет.

Я улыбнулась в ответ, но он начал напевать мелодию из Мортал Комбат.

– И ты, Брут, – грустно заключила я.

– Какими судьбами, Фемида в твоём обличии снизошла до нас, убогих?

– Вадичка, а как насчет Никиты Изотова? Ему давно пора домой, а кто-то забыл его выпустить.

– Парню предъявлено обвинение.

– Так снимите его. Вы и так уже достаточно поломали жизнь парню. Как и его сестре.

Глаза Вадика злобно сощурились.

– Ох, какие высокоморальные генеральские дети пошли. Ихним папам генералам звездочки наверно тоже за высокую степень морали давали. Нам-то, босоте, откуда такие моральные принципы иметь. Ты еще папочке позвони, пожалуйста, как невиновных обижают.

– И позвоню, раз просишь. Он у вас, наверное, как положено в отдельной камере? Или с задержанными впервые? И заодно, пожалуй, подружке Ритке позвоню, которая в «Новом Комсомольце» работает.

Впрочем, наша перепалка носила вполне дружеский характер, и злился Вадик не на меня, а на себя, так как, похоже, действительно просто забыл про мальчишку.

Мы с Вадиком учились на одном факультете, только он был старше. Называя себя босотой, он очень сильно преувеличил действительность, а вернее сказать, нагло врал, так как его папа тоже носил генеральские погоны, но и я не собиралась никому звонить.

– Ладно, Винокурова, сейчас позвоню.

– Вот и умничка, – я послала ему воздушный поцелуй и пошла к выходу.

– Винокурова, – позвал Вадик, разглядывая мою кожаную мини-юбку, – пошли в кино?

– Я подумаю, – очень серьезно пообещала я.

По дороге домой позвонила Ритка, она всегда была легка на помине.

– Мать, – позвала она протяжно.

– А, – в тон ей ответила я.

– Будь моим источником в правоохранительных органах, – замурлыкала подружка.

– Что на этот раз тебе надобно, душа моя?

– Кожемятов, разумеется.

Я мгновенно стала серьезной.

– Нет, Рит. Прости, но нет. И если хочешь совет от источника в правоохранительных органах, то держись подальше от этой истории. Как можно дальше.

Ритка свой журналистский хлеб ела не зря и поняла все очень быстро.

– Ты ли че ли? – тоном героини знаменитого фильма спросила подружка.

Я утвердительно промычала.

– Расскажешь? – спросила она.

– Расскажу, но как-нибудь потом. И при одном условии, что от тебя ни слова не просочится в прессу.

– Все так серьезно? – перестав дурачиться, спросила Ритка.

– Да, Ритуль, думаю, что все очень серьезно. Да и как может быть иначе с фигурой такого масштаба.

– Ладно, мать, давай тогда на выходных полакаем чего-нибудь вкусного, и ты мне все расскажешь.

– Давай.

Простившись с подругой, я впервые за это время подумала, как тяжело, наверно, сдерживать прессу с этим убийством.

Кожемятов был олигархом всероссийского масштаба. Дела вел в Москве и по всему миру, но жить предпочитал в нашем славном городе. Где его и пристрелили. Давно известная истина, что за каждым большим состоянием кроется преступление, с Иваном Кожемятовым работала на все сто процентов. К нему были вопросы у наркоторговцев, у экономистов, в смысле у управления по борьбе с экономическими преступлениями, как оказалось, у фейсов. В смысле у ФСБ. И вроде бы Кожемятов был такой плохой, а с другой стороны он курировал детские дома и дома престарелых, детской больнице помогал, хоспису, за что был неоднократно обцелован губернатором.

Я понимала, что история с ним еще не закончена. И почему-то мне это очень сильно не нравилось.

Вечером позвонила Ирина, плача в трубку от облегчения и счастья, что Никита был дома.

Глава 3

На планерке у Шевцова было как обычно мутрно и скучно.

– Так, теперь по Кожемятову, – сказал начальник с таким видом, как будто долго оттягивал неприятный момент, но тянуть больше не представлялось возможности, – заключение готово. Винокурова, съезди в морг, забери, завтра похороны. Кто у нас отправится провожать Кожемятова в последний путь? Овсянников, Решетников и Винокурова. Народу должно быть много, фигура заметная в масштабах страны. Будьте бдительны, дети мои. Возможно, удастся зацепить кого-то интересного нам.

Подъехав к моргу, я не спешила выходить. Покойников я не боялась, но бывать в морге очень не любила. Была в нем какая-то безнадежность, какая-то необратимость. Вот еще вчера ты был полным сил, еще молодым человеком, который принадлежал к сильным мира сего, а сегодня ты лежишь на холодной железной полке. А жизнь течет дальше без тебя. А завтра так вообще никто и не вспомнит о тебе.

Из дверей морга, практически под руки вывели женщину, должно быть с опознания. Я тяжело вздохнула и пошла внутрь.

Судмедэкспертом по делу Кожемятова был Борис Натанович Шниерсон. Очень опытный эксперт и очень старый еврей. Когда меня еще на свете не было, он был уже очень уважаемым судмедэкспертом.

– Добрый день, Борис Натанович! – бодро поприветствовала я старика.

– Милая девушка, у меня все прекрасно со слухом, совершенно не обязательно кричать мне в ухо, – беззлобно ответил он, – и вам таки день добрый.

– Извините, – улыбнулась я.

– Если Вы за бумагами, милое создание, то они на столе в кабинете.

Я покосилась на тело Кожемятова на столе.

– Разве Вы еще не закончили? – удивилась я, кивком показав на Ивана.

– Если по служебной части, то давно закончил, Борис Натанович свое дело знает. Но я старый еврей, милая девушка, и я люблю деньги. Попросили его подмарафетить к завтрашней церемонии, – объяснил Шниерсон.

Я усмехнулась. Ну, в принципе, почему нет, никому плохо старый еврей не делает.

Я внимательно посмотрела на лежавшее передо мной тело и даже задумчиво обошла его вокруг.

– Вас что-то смущает, Алenuшка?

– Нет, просто... Подумала о том, как меняет людей смерть. Он вроде бы и на себя стал не похож, – подумала я вслух.

– Вы совершенно правы, милое дитя, смерть творит свои изменения. И я рад буду показать Вам. Вот обратите внимание на носовые хрящи...

Следующие полчаса Натанович посвящал меня в тонкости своей работы.

– Удивлена, восхищена, раздавлена, – слегка аплодируя, поднялась я, – спасибо, Борис Натанович, это было чрезвычайно интересно!

– Рад служить, барышня, – отвесил шутливый полупоклон старый еврей.

Глава 4

Народу было много и зал прощания городского крематория с трудом вместил желающих.

Губернатор, который в былые времена с разбегу бежал, чтобы лизнуть Кожемятова, как и остальные официальные лица, в виду последних событий, присутствовать не пожелали, хотя могли бы и попрощаться с дорогим другом. По той же причине не было и всенародно известных богатеев, которые не желали, чтобы их имя фигурировало в отчетах. Как-то отец сказал мне, что у очень богатых людей служба безопасности и разведки работает едва ли не лучше, чем ГРУ в целом. Так что, были соратники и партнеры не самого высокого полета. Только один человек, имя которого слишком известно, чтобы его называть, плевать хотел на все отчеты и приехал отдать дань памяти Ивану Кожемятову. Кажется, в юности они часто встречались то ли на турнирах по борьбе, то ли по самбо. Я заужала этого человека за его смелость и порядочность. Хотя последнее, конечно, весьма и весьма спорно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.